

Инобытие педагогической идеи

Один из важных выводов современной философии образования – это вывод о том, что важнейшая проблематика педагогики как таковой шире ее собственных методологических возможностей. Отечественная научная традиция применения философской методологии для решения теоретических проблем педагогики, начатая еще С.И. Гессеном, в последние десятилетия получила свое дальнейшее развитие в работах многих авторов.

В первую очередь сошлемся на то, что для обозначения сущности образовательного процесса в целом как процесса социализации в его историческом времени и культурном пространстве М.Л. Лезгиной¹ в научный оборот было введено понятие «педагогическая идея». Это понятие отражает стержень, концептуальное начало всего процесса образования и воспитания, выражающее дух педагогики как таковой и обеспечивающее её целостность при смене и разнообразии заимствуемых педагогией из других наук фундаментальных представлений, а также при смене педагогических парадигм.

Выражая суть воспитания, педагогическая идея состоит, *во-первых*, в признании того факта, что ребенок становится личностью не сразу, а постепенно; *во-вторых*, в утверждении, что процесс становления личности доступен управлению извне; и, *в-третьих*, что такое управление не только возможно, но и необходимо, тогда как стихийный рост нежелателен. Действительность педагогической идеи – это одновременно и объективный, и субъективный процесс, предстающий в социальной реальности как явно не видимая, но реально осуществляющаяся парадигма действительного процесса образования, действительный вектор его движения и развития. В видимой форме об этом процессе мы можем судить по различного рода педагогическим

¹Лезгина М.Л. Педагогическая идея как смыслоопределяющее ядро педагогического поиска // Философия образования и творчество. К 10-летию юбилею факультета философии человека РГПУ им. А.И. Герцена. СПб: Изд. РХГИ, 2002.

практикам, педагогическим теориям, частным идеям в педагогике, официально декларируемым или же, напротив, скрытым, латентным принципам и целям образования.

Новые тенденции *омассовления социальной реальности и ментальной профанации религии*, проявившиеся в XX веке, поставили не только теоретиков, но и политиков-практиков перед новыми вызовами, связанными с социальным управлением. О первой предупреждали в свое время К. Леонтьев, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, Г. Лебон и многие другие мыслители. Вторая же берет свое начало с превращения религии в этику, что равнозначно выхолащиванию религии как таковой, в протестантизме; не зря уже М. Вебер не называет протестантизм религией, а везде называет его протестантской этикой. В наше время Ж. Бодрийар («Америка», 1968) констатирует: «религия сделалась спецэффектом»¹, а современный американский вариант протестантизма называет «информативным пуританством» и «совершенным симулякром»² именно по причине патологической увлеченности американцев этим миром, а не «тем», «градом земным» а не «градом Божьим». В результате даже проблема счастья вообще выводится за пределы религии и решается в рамках философии (экзистенциализм), психологии (психоанализ, «гуманистическая психология» и др.), этики (стратегия личного жизненного успеха), идеологии (моральный кодекс строителя коммунизма) и т.д.

И если XIX век еще верил в девиз Просвещения «Кто владеет школой – тот владеет будущим», то с началом XX века приходит понимание того, что для овладения будущим уже недостаточно владеть *только* школой. В осознании невозможности полного осуществления целей образования внутри самого образования, как бы мы ни совершенствовали его структурно-системные компоненты, педагогическая идея достигает своего апогея, максимума. Дальнейшее развитие педагогической идеи возможно было только на принципиально новом основании и в существенно иной форме.

¹ Бодрийар Ж. Америка. СПб., 2000. С.68.

² Бодрийар Ж. Америка...С.110.

Для обозначения этой иной формы мы вводим понятие «инобытия педагогической идеи»¹, призванное обозначить выход педагогической идеи за пределы педагогики и образования в сферу идеологии и политики. Инобытие педагогической идеи предполагает, во-первых, замещение ребенка как условного «объекта» педагогического процесса населением как «объектом» и «материалом» политики, а во-вторых, замещение педагога как условного «субъекта» педагогического процесса политической элитой как декларируемым субъектом. В терминах субъект-объектных отношений объектом воспитания в области инобытия педагогической идеи является народ, масса, население, «демос», а субъектом – государство или – шире – идеологическая элита общества в лице интеллектуалов, осознающих в известной степени в той или иной форме свою особую миссию и в разной степени понимающих (или не понимающих) свою ответственность. И тогда максимы инобытия педагогической идеи могут быть сформулированы так: 1) цивилизованным, культурным народ становится постепенно; 2) этот процесс частично управляем; 3) такое управление желательно и необходимо, в то время как стихийный ход нежелателен и ведет к социальным проблемам.

Достигая своего апогея в идеологии, инобытие педагогической идеи «снимается» в сфере политической практики, где происходит отчуждение педагогической идеи не только от образования и педагогики, но и от субъекта, носителя педагогической идеи – человека. Именно поэтому педагогическая идея в политической практике закономерно превращается в свою противоположность: самые гуманные и справедливые идеи, высказываемые в

¹ «Так как *идея*, таким образом, существует как отрицание самой себя, или, иначе говоря, как *внешняя себе*, то природа не просто есть внешнее по отношению к этой идее..., но *характер внешности* составляет определение, в котором она существует как природа» – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том второй. Философия природы. М.,1975. Сю25. «Осуществление бесконечной цели состоит поэтому лишь в снятии иллюзии, будто она еще не осуществлена...Идея в своем процессе сама создает эту иллюзию, противопоставляет себе нечто другое, и ее деятельность состоит в снятии этой иллюзии. ...Инобытие, или заблуждение как снятое, само есть необходимый момент истины, которая существует лишь тогда, когда она делает себя своим собственным результатом» – Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Том первый. Наука логики.... С.399.

педагогике и идеологии, будучи реализованы в политике, закономерно превращаются в свою противоположность и становятся основанием для деспотизма. Однако, несмотря на это, в условиях индустриального общества, когда возникает серьезное противоречие между социализацией и социокультурной динамикой, «педагогизация» идеологии и политики становится неизбежной.

Спектр отношений элит к народу в цивилизационном времени и в культурном пространстве широк: от патерналистской уверенности в несамостоятельности и неразумности народа до благоговейного к нему отношения как к «почве», моральной основе; и от циничного отношения к нему как к материалу, из которого надо лепить то, что нужно, до идей полного самоуправления в аутентичном анархизме. Но общей тенденцией является довольно быстрое осознание того, что стихийный ход общественного развития – это уже вчерашний день истории. Речь идет об организованном формировании массового сознания взрослого населения, то есть в конечном итоге – о **регулируемой социокультурной динамике**.

Философский анализ позволяет выделить три формы инобытия педагогической идеи – *рационалистически-либеральную, иррационалистически-этатистскую и рационалистически-этатистскую*.

Рационалистически-либеральная идеологическая форма инобытия педагогической идеи как продукт третьего сословия, естественно, признавала за «народом» абсолютную самостоятельность, притом что под народом нарождающаяся буржуазия понимала самое себя. И. Кант называл Просвещение эпохой совершеннолетия человека, когда тот способен принимать решения, опираясь на собственный разум, без помощи авторитета, будь то Бог или государство, однако основой этой способности, по его же словам, является только полная экономическая и личная независимость индивида. Максимы педагогической идеи в этом случае могут быть выражены так: цивилизованным, культурным народ становится самостоятельно, постепенно, стихийно, через демократическое самоуправление,

обеспечивающее народу доступ к образованию и просвещению; управлять этим процессом не надо и негуманно, поскольку разумный человек сам знает, что ему нужно. Очевидно, что эти максимы призваны были идеологически обслуживать развивающийся европейский рынок и индустриальное модернистское общество, а народ как носитель национальных ценностей и культура как континуум смыслов оказывались лишними. Определенное отрезвление наступило в ходе первых буржуазных революций в Европе, приведших к диктатуре. Тем не менее, на этих максимах было построено государство-новодел – Американские Соединенные Штаты. Проект Просвещения там удался, надо думать, именно по причине отсутствия противоречия между социализацией как процессом передачи культурного наследия и социо-культурной динамикой ввиду отсутствия культурного наследия как такового. Это же стало причиной формирования такой отличительной особенности США, как динамичность.

В известной мере противоположной является *иррационалистически-этанатистская* форма инобытия педагогической идеи. Согласно этой позиции народ есть изначально иррациональная масса, которой легче управлять, не образовывая и не просвещая ее; просвещение, тем более – научное, вредно для народа, а поэтому процесс формирования массового сознания есть процесс в целом вполне управляемый и такое управление без просвещения – задача государства.

Формированию такой позиции в идеологии и политике предшествовала в известной мере «психология народов». Г. де Тард¹ в качестве двух основных социальных процессов называет «изобретение» (то, что мы сегодня, вероятно, назвали бы инновацией) и подражание, позже добавив также и оппозицию (социальный конфликт). Подражают чаще всего «низшие» «высшим», а из множества изобретений (инноваций) принимаются и укореняются только те, которые согласуются с исторически сложившейся культурой данного общества. И не зря уже Тард придавал большое значение таким средствам

¹ Тард Г. Законы подражания. СПб., 1892.

коммуникации, как телефон, телеграф, массовая печатная продукция. Разведение понятий «толпы» и «публики» – это ведь тоже раннее прозрение в области массовой культуры. Такие признаки толпы, как иррациональность, внушаемость, некритичность, уничтожение индивидуальности и личности – все это нашло свое дальнейшее развитие у Г. Лебона, который представил эти факты социального поведения уже как целую теорию, считающуюся одним из первых вариантов теории «массового общества», в которой предсказывалось наступление «эры масс» и связанный с этим упадок цивилизации. Лебон уже прямо отводил ведущую роль в общественной динамике изменениям в сфере общественного сознания, в сфере общественной психологии: нужные идеи внушаются массам немногими из элиты посредством частого повторения, внушения, заражения, то есть на бессознательном уровне, ибо толпа – иррациональна. В. Вундт совершенно оправданно вводит понятие «языковой деятельности» как более важное, чем понятие «языковой системы»; более важное – для анализа социальной динамики и для целей социального управления и социального «воспитания». А В. Парето социальные процессы, в том числе и процесс социального управления массами, прямо связывает с «остатками» (*residue*) и «производными» (*derivazioni*), то есть – с инстинктами и их рациональной интерпретацией, которая, по сути, есть идеология. «Производные», то есть различные формы рационального понимания социальной реальности в виде теорий, доктрин, идей – это лишь средство в борьбе элит за власть, то есть средство манипуляции общественным сознанием. Г. Моска же вообще считал демократию утопией, миражом, способом манипулирования массами диктатором.

Взгляд на народ, «массу» как на иррациональную толпу был доведен до своего логического конца в иррационалистической по своей сути политической практике и идеологии национал-социализма: «Широкие массы проникнуты женским началом: им понятно лишь категорическое “да” или “нет”...Массе нужен человек с кирасирскими сапогами, который говорит: этот

путь правилен!...»¹. Официальный историограф национал-социализма Рюле писал: «Национал-социализм знает, что народ надо избавить от скучной профессорской педагогики, а также от бесконечного хаоса многообразных и противоречивых точек зрения и взглядов. Поэтому с момента его прихода к власти главными заповедями пропаганды стали простота, размах и концентрация»².

Своеобразной золотой серединой, на наш взгляд, является *рационалистически-этатистская* форма инобытия педагогической идеи, выраженная наиболее ярко у Г.В.Ф. Гегеля, в философской системе которого государство выше гражданского общества, но само государство есть не только субъект политики и суверен, но и центр ответственности. В этой парадигме максимы педагогической идеи в ее инобытии могут быть выражены в суждении: культурным, цивилизованным народ становится постепенно; этот процесс частично управляем; и управление этим процессом окультуривания народа есть первейшая задача государства.

Анализ показывает, что именно эта парадигма исторически вызревала в отечественной идеологии и политике как доминирующая. Одним из первых проблему отношений «масс» и личности, проблему «народа» в отечественной обществоведческой мысли поднял Н.К. Михайловский (1882)³, первым также давший определение понятию подражания: «Подражательность...есть лишь специальный случай *омрачения сознания и слабости воли*, обусловленной какими-то специальными обстоятельствами»⁴. Он же первым вскрыл механизм «омассовления»: «...для вызова и обнаружения склонности к подражанию, а, следовательно, и для образования того, что мы называем толпой, нужно, по-видимому, одно из двух: или впечатление, столь сильное, чтобы оно задавило все другие впечатления, или постоянная, хроническая скудость впечатлений.

¹ *Hindels J.* Hitler war kein Zufall. Wein;Zurich,1962.S.97.

² *Ruhle G.* Das Dritte Reich. Das erste Jahr. В., 1934. S.66.

³ См.: *Михайловский Н.К.* Герои и толпа (1882). Научные письма (К вопросу о героях и толпе) (1884). Еще о героях (1891). Еще о толпе (1893) // Полное собрание сочинений Н.К. Михайловского. Том второй. Изд. четвертое. СПб.,1907.

⁴ *Михайловский Н.К.* Герои и толпа... С.154.

Соединение этих двух условий должно, понятное дело, еще усиливать эффект подражательности»¹. Целью государства, по мнению Михайловского, и должно быть стремление не допустить превращения народа в толпу.

Тема ответственности за воспитание народа отчетливо звучит у отечественных консерваторов, что само по себе не удивительно, поскольку и славянофилы, и «охранители», составляющие две составных части отечественного пореформенного консерватизма, более ответственно, нежели тогдашние либералы, относились к политике и к народу. Так, например, Хомяков А.С. писал: «Итак, в число прямых обязанностей правительства, верно выражающего в себе законные требования общества, входят: устранение всего, что противно внутренним и нравственным законам, лежащим в основе самого общества, и удовлетворение тех потребностей, которых само общество еще не может удовлетворить вполне»².

Эта тенденция, которую мы называем «педагогизацией», отразилась в философской рефлексии о судьбах русской интеллигенции начала XX века. Н.А. Бердяев характеризует эту тенденцию, как «давящее господство народолюбия и пролетаролюбия, поклонение “народу”, его пользе и интересам»³, а С.Н. Булгаков пишет: «Русской интеллигенции, особенно в прежних поколениях, свойственно также чувство виновности перед народом, это своего рода “социальное покаяние”, конечно не перед Богом, но перед “народом” или “пролетариатом»⁴. Критикуя западный «антипедагогизм», С.Н. Булгаков в той же статье говорит, что само понятие «героизма» предполагает пассивный объект воздействия – спасаемый народ или человечество. Обратной стороной такой «сверхпедагогической» позиции стало явление, которое русский мыслитель назвал «духовной пэдократией» – духовной властью воспитанника над воспитателем. Еще один автор указанного сборника

¹ Михайловский Н.К. Герои и толпа... С.162.

² Хомяков А.С. Об общественном воспитании в России // Хомяков А.С. О старом и новом. М., 1988. С. 223.

³ Бердяев Н. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С.12.

⁴ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины.... С.37.

П.Б. Струве писал: «Вне идеи воспитания в политике есть только две возможности: деспотизм и охлократия»¹.

Но метаморфозы педагогической идеи в XX веке удивительны: тот «недостаток», который видит в марксизме Струве, после 1917 года (хотя и не сразу) был вполне устранен, и советская Россия действительно перешла к «творческому, созидающему культуру религиозному гуманизму»², ибо новая идеология, созданная в советское время, стала для масс новой моралью, основанной на вере в светлое будущее, моралью, органично вписывающейся в российский менталитет в рамках рационалистически-этатистской парадигмы.

Опубликовано: *Философия человека: образовательные и гуманитарные технологии*//Мат. научно-теорет. конференции. СПб.,2008.

¹ *Струве П.Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины....С.164.

² *Франк С.Л.* Этика нигилизма // Вехи. Из глубины.... С.199.